

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.008

УДК 930.2

*В. С. Черепенчук**

«БЕЛЫЙ ОМСК» НИКОЛАЯ УСТРЯЛОВА И ГАЗЕТА «СИБИРСКАЯ РЕЧЬ»: ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ**

В статье рассматриваются политические взгляды Н. В. Устрялова, идеолога течения «сменовеховство», на основании его дневника и написанных им газетных статей. Внимание акцентируется на том, что дневниковые записи Устрялова и его тексты, предназначенные для периодической печати, имеют несколько разную окраску. А также на том, что вероятнее всего работа «в команде» адмирала не оказала значимого влияния на смену его взглядов.

Ключевые слова: газета, дневник, Гражданская война, смена убеждений

V. S. Cherepenchuk

*“WHITE OMSK” OF N. V. USTRYALOV AND THE NEWSPAPER “SIBERIAN SPEECH”:
PERSONAL AND PUBLIC*

The article examines the political views of N. V. Ustryalov, the ideologist of the «smenovekhovstvo» movement, on the basis of his diary and his newspaper articles. Attention is focused on the fact that Ustryalov’s diary entries and his text intended for periodicals have slightly different mood. And also that his work in «admiral team» did not have a significant impact on the change of his views.

Keywords: newspaper, diary, Civil War, change of beliefs.

Николай Васильевич Устрялов считается одним из главных идеологов сменовеховства — течения, представители которого выступали за примирение и сотрудничество с советской Россией. Свою позицию они объясняли тем, что

* Черепенчук Валерия Сергеевна, кандидат исторических наук, нач. отдела аспирантуры Русской христианской гуманитарной академии; valeriyahistory@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просоветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

большевистская власть, поначалу вызвавшая много опасений своими методами и устремлениями, начала действовать в интересах России.

Обратим внимание, что слово «примирение» подразумевает некие первоначальные идеологические расхождения. То есть, для большинства будущих «сменовеховцев» первоначально было характерно если не жесткое неприятие новой большевистской власти, то по крайней мере «параллельное существование» с ней. Но что заставляло недавних противников менять свою точку зрения и призывать к поддержке советской власти? Понятно, что могли быть как некие общие причины (например, восприятие большевизма как «меньшего из зол», особенно это характерно для «сменовеховцев» 1930-х — начала 1940-х годов), так и личные, индивидуальные. Почему же в итоге к альянсу с советской властью начал призывать Николай Устрялов, который достаточно долго проработал в «колчаковском Омске» и вроде бы относился к «Верховному правителю России» более чем лояльно? Правда, близким другом Колчака его назвать нельзя — они встречались всего несколько раз, и то по службе, в рамках «начальник — подчиненный», а не по личной инициативе.

Ряд исследователей утверждают, что именно неуверенная политика адмирала на посту Верховного Правителя, его явная неспособность консолидировать белые силы и стать тем «железным вождем», которым его хотели видеть противники большевизма, послужила причиной тому, что от него начали отворачиваться даже недавние восторженные поклонники. И что именно разочарованием в действиях адмирала Колчака объясняется перемена во взглядах Устрялова, который в итоге понял, что, возможно, у большевизма перспектив больше, чем у большинства представителей белых сил. Так, именно эту точку зрения защищает в своей статье В. К. Романовский:

Он вносит значительный вклад в организацию и функционирование агитационно-пропагандистского аппарата колчаковского режима, разрабатывает для него идеологическую платформу, основанную на лозунге «Диктатура во имя демократии», и стремится обеспечить Колчаку идейную и информационную поддержку. Но неспособность Верховного правителя стать «русским Наполеоном», его военные поражения, мелочные интриги властной элиты, предательское поведение союзников разрушают веру Устрялова в «белое дело». Под влиянием «омского» антибольшевистского опыта в его сознании формируются «примиренческие» идеи и настроения [7, с. 291–292].

Но был ли Устрялов изначально таким уж восторженным почитателем адмирала как политика вообще и «диктатора» в частности? Казалось бы, да, ведь даже свой дневник, ставший основой издания «Белый Омск», он озаглавил «Дневник колчаковца». Да и содержание его статей в омских газетах, казалось бы, не оставляет сомнений в том, что Николай Васильевич — последовательный и довольно восторженный сторонник адмирала. Но именно сопоставление статей с дневниковыми записями дают возможность предположить, что апологетика Устрялова в отношении Колчака — это скорее должностная обязанность, чем стопроцентно прочувствованное убеждение... Хотя, конечно, дневник, изданный много лет спустя после описанных в нем событий, перед изданием вполне мог обогатиться дополнительными оттенками.

Посмотрим, каким образом будущий «сменовеховец» оказался в колчаковском Омске.

Николай Васильевич Устрялов родился в 1890 году в Калуге, по образованию был юристом. В 1917 году — последовательный сторонник кадетской партии. Работал в Московском университете, Пермском университете (в Перми оказался, по его собственным воспоминаниям, после начала большевистского «террора»). Затем, после колчаковского переворота, переехал в Омск (произошло это в самом начале февраля 1919 года) и по приглашению Управделами Верховного правителя Г. Тельберга начал работать на должности юрисконсульта. Кроме этого, принимает непосредственное участие в разработке многочисленных правительственных циркуляров и работает в Восточном отделе ЦК партии кадетов.

Вскоре Устрялов стал директором пресс-бюро при Отделе печати. Он сотрудничает со многими изданиями, разрабатывает стандарты передовых статей, под его руководством выходят многие агитационные брошюры антибольшевистской направленности: например, брошюра С. А. Ауслендера «Верховный правитель адмирал А. В. Колчак», в которой, помимо подробной биографии Верховного правителя, было множество восторженных славословий в его честь:

Верховный Правитель совместил в себе многое: он не только твердый воин, так хорошо понимающий, что нужно в эти часы решительной борьбы, он также ученый, привыкший свой ум направлять на области разносторонние, ему не впервые пришлось вплотную подходить к вопросам общегосударственной и политической жизни; как моряк, он многое видел и познал не только из книг, а в жизни различных стран. Все это дало ему широту мысли, не затемненной предвзятыми партийными и теоретическими программами, мысли, согретой пламенной любовью к России, за которую столько раз он готов был умереть, принимая участие в боях [1, с. 6].

В дальнейшем Устрялов будет часто публиковаться в газете «Сибирская речь». Приведем примеры публикаций этого издания, вышедших вскоре после переворота в Омске, но до того, как в город приехал Устрялов.

Это — явный пример апологетической прессы. В феврале 1918 года издание «Сибирской речи» было прервано. Возобновляется оно 28 ноября 1918 года, и в первом же номере разъясняется «идеологическая платформа» издания: «Происшедшие в устройстве власти изменения настолько назрели с одной стороны, а с другой так естественно вытекали из существующих в правительстве отношений, что назвать их переворотом значило бы впасть в существенную ошибку... Судьба улыбнулась нам, послав нам вождем образ русской чести и русской славы» [8, с. 3]. Кроме того, газета навязчиво помещает на своих страницах материалы, очерняющие давно уже высланных за границу членов Директории: например, статью «Нечто о господине Роговском», где его характеризуют так: «Бывший политический ссыльный... Милиция при нем морально упала ниже городских былого времени» [3, с. 4].

В газете подробно рассматриваются отношения Верховного правителя с представителями прессы и его позиция относительно понятия «диктатура»:

Сегодня мы печатаем беседу Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака с представителями печати. Это — историческая беседа. Мы уже отвыкли от такого языка власти. После трескучих, неискренних, вычурных слов, которыми засыпала Россию революционная власть, «как нарумяненный трагический актер, махающий мечом картонным», — теперь прозвучало простое, истовое слово честной русской власти, добросовестной, а потому невыразимо скорбной. Господа политики, растлевая народную душу, запугивали темный ум народа малопонятным, чужеродным словом «диктатор». А русские люди, падкие на слова буквально до смерти, научились бояться этого слова. И Верховный Правитель говорит им: «да, я диктатор, — если вам угодно вместо русских слов говорить чужими словами. <...> Диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты Государства назначал диктатора, так Совет Министров Российского Государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным Правителем». <...>

По вопросу о форме правления в России будущего, той России, которую мы, народ, сначала еще должны отвоевать у бунта, насилия и безначалия, Верховный правитель высказывается: «Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное Собрание». <...>

Заявление Верховного правителя представляется нам тем исповеданием политической веры, которое способно и должно объединить собою все без исключения верные России элементы ее народа [4, с. 1].

В этом же номере обосновываются причины переворота 18 ноября 1918 года. Также газета не упускает возможности в очередной раз «пнуть» политических противников (следует отметить, что, как и во многих других газетах времен Гражданской войны, в большей части статей не указан автор; имеются также статьи, подписанные псевдонимами или фамилией с одним инициалом, что далеко не всегда дает возможность сейчас восстановить полные данные):

18 ноября в историю великой российской революции войдет, как один из наиболее важнейших дней. Второй враг российской государственности — партия социалистов-революционеров потерпела решительное поражение в своей новой попытке править Россией по рецепту г. Чернова. Милостью чехов получившие власть люди, имевшие двухлетний стаж образования в уездном училище и двадцатилетний стаж каторги за грабежи, хранения бомб и т. д., вообразили, что они также пригодны к возрождению России, как блестяще пригодны оказались в 1917 году к разрушению ее [2, с. 2].

«Сибирская речь» приводит выдержки из других периодических изданий, поддержавших переворот, — достаточно распространенная практика по тем временам:

Отечественные ведомости» видят в установлении единоличной диктатуры давно необходимый акт. Газета пишет: <...> «Не колебаться по вопросу о признании власти Верховного правителя должны патриотические элементы страны, а позаботиться о том, чтобы новый вождь освобожденной России был ее действительным вождем, перед ней ответственным, а не марионеткой в руках неотчетливых сил, не ширмой, за которой работала бы другая неофициальная директория из неведомых и не призванных к тому людей» [9, с. 3].

Через материалы «Сибирской речи» (впрочем, схожие статьи тогда опубликовали практически все омские газеты) разъясняются политические взгляды адмирала Колчака:

28 ноября, вечером, представители местных газет «Сиб.речь», «Заря», «Слово» и «Вестник Врем.Правительства» были приняты Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим, адмиралом А. В. Колчаком. В беседе с ними были высказаны следующие соображения о задачах Верховного управления. <...> «Я не знаю иного пути к решению. Работы на пути возрождения России предстоит... много. Она непосильна одному человеку. Я был бы безумцем, если бы возмечтал выполнить ее единолично. Нет, вся эта многотрудная работа будет выполнена мною в полном единении с Советом Министров...» [6, с. 4].

Здесь же размещаются разнообразные «телеграммы», «приветствия» и «поздравления» от представителей разных слоев населения, в частности, от рабочих Верх-Исетского завода:

В сегодняшнем номере «Сибирской речи» читатель найдет телеграмму из Екатеринбурга, в которой рабочие Верх-Исетского завода приветствуют Верховного Правителя Адмирала Колчака. Эта телеграмма рабочих знаменательна по своему содержанию. Впервые в ней раздается дружный голос трудящихся, вполне осязательное и отчетливое заявление о нуждах государственных. Впервые за время революции рабочие в своей массе заявляют о том, что они ставят интересы нации выше интересов классовых. <...> Так образуется могучий сдвиг русской почвы, от состояния которой зависит возведение здания новой России, от которой зависит счастье грядущих поколений. <...> События показывают, что мы не ошиблись. Просыпается в русском рабочем могучая национальная сила. (...) Недолго ждать того часа, когда Великан встанет во весь свой богатырский рост, встряхнет плечами, и тогда вся нежить и нечистая рать врагов России исчезнет и не будет больше поганить русской земли [5, с. 2].

Рабочие Верх-Исетского завода, пострадавшие за время войны, революции и гражданской войны, приветствуют Ваше Высокопревосходительство, как Верховного правителя России. Рабочие верят в искренность сделанных Вами официальных заявлений, что Вы не пойдете ни вправо, ни влево и одинаково справедливо отнесетесь ко всем классам населения, что Вам дороги интересы трудящихся масс. Мы также верим, что в Ваших государственных мероприятиях Вы станете на защиту законных и справедливых интересов и нужд рабочего класса, готовы нашим трудолюбием всемерно помочь Вам восстановить разрушенную и разоренную злоумышленниками и предателями родину [10, с. 2].

Что писал о Колчаке и его политике Николай Устрялов? Еще до своего приезда в Омск, в Перми, он публикует в газете «Свободная Пермь» отклик на недавно напечатанные там материалы по делу об аресте членов Директории в ночь на 18 ноября:

Яркий свет проливают эти документы на деятельность так плачевно окончившей свое существование Всероссийской Директории и, главное, на общую политическую физиономию тех элементов, которые связали себя с бывшим Учредительным Собранием («черновским») и которые, как оказывается, остались на авансцене русской политической жизни вплоть до знаменательной даты

18 ноября 1918 года. О, мы узнаем этих старых наших знакомцев — Авксентьевых, Зензиновых, Черновых, Роговских! Все те же, все такие же, как и летом 1917 года, в эпоху керенщины... <...> Все тот же псевдо-революционный жаргон, тот же циммервальдский маскарад, и, увы, — все та же жалкая политическая беспомощность, абсолютная государственная бездарность. <...> В ночь на 18 ноября... в городе Омске группа достойных офицеров возрождающейся Всероссийской Армии наглядно и окончательно вскрыла всю эфемерность «государственности» этих господ [14, с. 3–4].

То есть, события в Омске он поддерживает. Кстати, нужно отметить, что в условиях Гражданской войны информация из одного региона в другой подчас доходила крайне медленно. Так, в некоторых газетах Москвы и Санкт-Петербурга информация о «колчаковском» перевороте, случившемся 18 ноября 1918 года, была опубликована только в январе!

Дневник Н. В. Устрялова, имеющий отношение к «омскому» периоду его биографии, печатался в альманахе «Русское прошлое» в 1991 году. Первая запись в нем относится к 9 февраля 1919 года (примерно через неделю после приезда автора в Омск):

Омск, 9 февраля. Вот уже завтра неделя как приехали в Омск. «Устраивался». <...> Ежедневно бываю в юрисконсульстве. Но уже намечается переход на новую должность, по-видимому, более интересную, хотя и значительно более трудную: Тельберг вчера предложил место заведующего отделом печати. Принципиально согласился [11, с. 288].

Записи в дневнике короткие: автор объясняет это нехваткой времени, но в целом позиция Устрялова по тому или иному вопросу выражена достаточно явно.

Омск, 9 февраля.

Сам по себе Омск занятен, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу — или бывшие люди царских времен, или падушие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злою судьбой в это сибирское захолустье — нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это — отживший, старый мир, и ему не торжествовать победу. Грустно [11, с. 289].

Сам Устрялов, впрочем, признавал в предисловии к дневнику, что есть некоторое несоответствие между бодрыми газетными статьями и «минорными» нотами дневника. И объяснял это именно тем, что должность обязывала его призывать к борьбе, а это немыслимо без, как сейчас бы сказали, позитива. Но подлинной веры в успех белого дела у него не было. То есть, говорить о том, что Устрялов изначально был восторженным поклонником «колчаковщины» и разочаровался лишь впоследствии, не приходится... Давайте сравним дневниковые записи и статьи Н. В. Устрялова, относящиеся примерно к одному периоду.

К 19 апреля 1919 года в дневнике относится такая запись:

Вчера в 2 часа дня был в соборе. Торжественная служба в присутствии Верховного правителя... Всмотривался, как и все, в его лицо. Физиономия не совсем

русского типа. Интересные черты. Худой, сухой какой-то, быстрые, черные глаза, черные брови, облик, напоминающий собою хищную птицу... Если вдаваться в фантазию, то можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности [11, с. 297].

А в «Сибирской речи» в эти же дни выходит статья о русской интеллигенции и ее «моральном долге»:

Ростки своеобразного «большевизма» пробивались на протяжении едва ли не всей истории русской интеллигенции — от Белинского до наших дней. Фанатическое, религиозное преклонение перед материальной культурой материальным прогрессом подготовил материалистический культ современной советской идеологии, а систематически воспитываемое недружелюбие к началам нации и государственности привело к анархическому космополитизму господ нынешней России. История русской интеллигенции, развивавшаяся, как известно, в условиях исключительно неблагоприятных, представляющая собою, по выражению Герцена, «или мартиролог, или регистр каторги», эта история не способствовала воспитанию положительных и творческих характеров. <...> Пусть велики, гениальны, «всечеловечны» были отдельные представители нашей интеллигенции, — в общем, в массе своей, она была изуродована, искалечена до мозга костей. Вспомните знаменитый сборник «Вехи», появившийся в 1907 году. Уже тогда, после опыта первой революции, наши лучшие люди ясно осознавали тупик, в котором заблудилась русская интеллигенция. Уже тогда ее авангард отрекся от ее прошлого, решительно осудил ее традиционный путь, ее «большую дорогу», сжег многое, чему поклонялся... <...> Поколениями воспитанные в ненависти к власти, мы приучались отождествлять правительство с государством и родиной. Все духовные ценности — религию, культуру, искусство — мы привыкли расценивать по их внешним «проекциям», по их «социально-политическим» выводам. <...>

Лишь подлинно великое потрясение могло бы излечить русскую интеллигенцию от ее тяжелой болезни. И вот пробил час этого великого жизненного потрясения. Вековой лед, сковывавший Россию, растаял. Начальство ушло, и у государственного руля в трагичнейшую минуту нашей национальной истории внезапно очутилась сама русская интеллигенция — со всеми ее навыками, со всеми ее идеями, со всем ее прошлым. <...> Из тюрьмы, из мрака многолетнего заключения они сразу устремились на вершины политической власти. Из Бутырок при радостных кликах толпы они приехали прямо в Кремль. История вручила им судьбу России. С каторги, из недр сибирских захолустий, из душных эмигрантских кофеен Парижа и Женевы... отовсюду потянулись к русским столицам «лучшие» представители русской интеллигенции, ее герои и мученики... Что же удивительного, что в результате Россия так быстро «перешагнула через свободу»? <...> Страшный суд пришел — суд над духом и плотью русской интеллигенции. И вот она увидела воплощенными свои мечты... Она реально ощутила неизбежный конец своего пути в изображении ярком и красочном, как был сам этот путь. Она познала плоды дум и дел своих. И она содрогнулась. Эти реальные образы жизни ей показались призраками страшными и уродливыми, и она, уже в массе своей, вся и целиком, отреклась, отшатнулась от них с ужасом и отвращением... <...> Окончательная победа над большевизмом — в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого, в окончательном и бесповоротном отказе ее от прежней системы идей, чувств и действий. <...> Русская интеллигенция должна сказать большевизму — и, воистину, только она одна может ему это сказать: — Я тебя породила, я тебя и убью [12, с.2–3].

Вдохновляющий материал, написанный по итогам конференции кадетов, появился на страницах «Сибирской речи» в самом конце весны 1919 года. В ней содержится призыв к всемерной поддержке новой власти, самоотверженности и труду на благо будущего:

Партия народной свободы переживает ныне один из интереснейших и замечательнейших моментов своей истории: — она окончательно выходит из состояния оппозиции или полуоппозиции и становится партией правительственной по преимуществу. Никогда ее связь с властью не была так тесна, так неразрывна, как сейчас. Это не значит, конечно, что Правительство обрело партийную кадетскую окраску, — все знают, что что власть Верховного Правителя и по форме и по существу беспартийная, вернее, сверхпартийная. <...> Нет, — связь партии с правящею властью глубже, своеобразнее, принципиальнее. Она — в основных устремлениях творческой работы. Она — не только в общности целей и задач, но и в одинаковом понимании средств и путей их реального осуществления. <...>

Вы помните вечер воскресения... И вот миг вождеденный настал. Маятник остановился, свидетельствуя, что минули часы испытаний и нетвердых попыток, что логикой самой жизни обретена, наконец, подлинная национальная власть, а не жалкие ее карикатуры. <...> И как один человек, партия склонилась перед этой властью. В первый раз за всю свою историю она может всецело и вполне связать свою судьбу, свой общественный авторитет, все влияние свое с официальною программой Русского Правительства. <...> И вполне понятным, необходимым становится призыв председателя конференции, встреченный в партийных рядах единодушным откликом сочувствия и подъема:

— В эти тяжкие месяцы наших достижений... мы должны отдать власти все, что мы имеем, — жизнь, знание, труд и достояние свое» [13, с. 1–2]

И буквально через несколько недель — упадочные строки о Верховном правителе, которые никак не стыкуются с газетными статьями и их настроением (Устрялов в тот день беседовал с ним в составе группы общественных деятелей и предпринимателей):

20 июля. Сейчас вместе с делегацией «омского блока» был у Верховного правителя — в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобы дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренне, откровенно. Об «отсутствии порядочных людей», о трудном положении армии, о «союзниках»... <...>

21 июля.

«Диктатор»... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но простительных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг «цель оправдывает средства» для него слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В этом отношении... Ленин — является ему живым и разительным контрастом... Чувствовалось, что он лично считал бы нужным более независимый, самостоятельный тон в разговорах с союзниками, но... он поддается доводам советников...

Не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного правителя и от всей его личности.

Конечно, трудно судить современникам... Но я боюсь — слишком честен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории [11, с. 304–305].

Устрялов, начавший работать в Омске в начале 1919 года, конечно же, не мог по своему усмотрению менять «политический дух» изданий, которые по определению должны были представлять адмирала как идеальный вариант для пожираемой гражданской войной страны. Вероятнее всего, он изначально не был стопроцентно уверен в успехе — поэтому говорить о том, что именно работа «при Колчаке» заставила Устрялова задуматься о «смене вех», — преждевременно. Хотя определенное влияние она оказала бесспорно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауслендер С. А. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. — Омск, 1919.
2. Иренский А. Последняя авантюра // Сибирская речь. — № 92 от 30.11.1918.
3. Нечто о господине Роговском // Сибирская речь. — Омск. № 90 от 28.11.1918.
4. Омск, 30 ноября 1918. Заявление власти // Сибирская речь. — Омск. — № 92 от 30.11.1918.
5. Омск, 29 декабря 1918. Голос рабочих // Сибирская речь. — Омск. — № 115 от 29.30.1918.
6. Прием представителей печати Верховным правителем // Сибирская речь. — Омск. — № 92 от 30.11.1918.
7. Романовский В. К. Деятельность Н. В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия высших учебных заведений. Издание Ивановского государственного химико-технологического университета. — Т. 6. — № 4. — 2015. — С. 288–292.
8. События // Сибирская речь. — Омск. — № 90 от 28.11.1918.
9. Среди газет и журналов // Сибирская речь. — Омск. — № 92 от 30.11.1918.
10. Телеграммы. Верховный правитель и рабочие // Сибирская речь. — Омск. — № 115 от 29.12.1918.
11. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — 1991. — № 2. — СПб: Светлен. — С. 283–338.
12. Устрялов Н. В. Большевики и мы // Сибирская речь. — Омск. — № 79 от 12.04.1919.
13. Устрялов Н. В. Итоги кадетской конференции // Сибирская речь. — Омск. — № 112 от 28.05.19.
14. Устрялов Н. В. Рыцари печального образа // Свободная Пермь. — № 13 от 14.01.19.